

оригинальная статья

УДК 94(430)

С авансцены – в тень: Трагедии последних монархов России и Германии (дискуссионные вопросы историографии)

Александр А. Турыгин^{a, @, ID1}; Анна Н. Шигарева^{a, ID2}^a Костромской государственный университет, Россия, г. Кострома

@ aturigin@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>ID2 <https://orcid.org/0000-0001-5426-9193>

Поступила в редакцию 19.11.2020. Принята к печати 14.12.2020.

Аннотация: Судьбы последних императоров России и Германии навсегда связаны Первой мировой войной и революцией. Исторические обстоятельства отречения известны, однако мотивы до сих пор являются предметом оживленных исторических дискуссий. В статье анализируются точки зрения историков о роли и личных качествах монархов – Николая II и Вильгельма II – в революционных событиях обеих стран. Рассматриваются дискуссии в современной историографии, которые посвящены монархии и революции, вызванной в обеих странах последствиями Первой мировой войны. Актуализируется вопрос об участии общественных, сословных и политических групп в революционной трагедии монархии, действия по спасению императоров, организованные монархистами как внутри самих стран, так и за их пределами. Отмечены общий контекст политических судеб царя Николая II и кайзера Вильгельма II (родственные узы, бурное экономическое развитие стран, принятие решения об участии в войне), сходство мотивов, обстоятельств и общественно-политических последствий отречения монархов, которое резко контрастирует с их дальнейшими судьбами.

Ключевые слова: император, кайзер, революция, модернизация, отречение, Первая мировая война, Российская империя, Германская империя, переворот

Для цитирования: Турыгин А. А., Шигарева А. Н. С авансцены – в тень: Трагедии последних монархов России и Германии (дискуссионные вопросы историографии) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 943–951. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-943-951>

Введение

В истории европейских монархий XX век занимает особое место. Революционные события первой четверти века подвели черту под одними и заставили радикально пересмотреть монархические устои других стран. На всем протяжении XX в. монархии рассматриваются не иначе, как «модели, снятые с производства» или «неудачники истории», хотя еще накануне они пережили своего рода ренессанс, где было место осознанию новой миссии монархии в индустриальном обществе: от благотворительности до основы национального величия. Революционные потрясения, вызванные высокой степенью вовлеченности и ответственности монархов, стремящихся на манер средневековых королей играть решительную роль в политике, стали трагическими итогами, завершившими вековые монархические традиции. В постреволюционной эпохе монархии вынуждены были всего лишь приспосабливаться, стремясь найти новые способы легитимации собственного статуса. Бывшие подданные очень быстро осознали свою роль в новом мире, в котором не было места царям и императорам, прежде совершенно безнаказанно обрекавшим их на войны и лишения.

Общность исторических судеб России и Германии в XX в. представляется очевидной. Длительное участие стран

в Первой мировой войне привело к замене существующего строя новым, вновь столкнувшим народы обеих стран в годы Второй мировой войны. В памятные даты столетия революций и Первой мировой войны дискуссионное поле вновь охватило судьбы последних императоров, личности которых зачастую рассматривались в сравнительном ключе. Родственные узы, бурное экономическое развитие стран, принятие рокового решения об участии в войне – таковым видится общий контекст политических судеб царя Николая II и кайзера Вильгельма II.

Сравнительно-историческое исследование личных качеств и особенностей характеров двух императоров, ставшее объектом рассмотрения для современных историков, представляется значимым и важным, поскольку за внешними обстоятельствами и объективными условиям бурной политической жизни оно позволяет увидеть роль самих императоров и противоречивых династических связей, создаваемых и поддерживаемых с их участием, в процессе крушения монархий Германии и России.

Для современных историков (Б. де Грааф, Б. Хассельхон, Р. МакЛин, Дж. Рёль) параллельные, взаимосвязанные жизни кайзера Вильгельма II и Николая II – это призма, через которую можно описать путь к Первой мировой войне, создание современного индустриального мира, безумие

наследственных дворов и эксцентричность их королевского трансевропейского двоюродного братства. У обоих были политические амбиции, оба считали, что правят по милости Божьей, ни один не верил в конституционализм, ни один из них не был особенно ярким, оба были готовы рискнуть мировой войной, оба строго контролировали свои вооруженные силы.

Значимость оценок личных качеств императоров возросла в связи с глубоким исследованием биографий монархов, лишенных идеологической предвзятости. Исследования правления Николая II (Ч. Саролеа, Р. Уортман) и Вильгельма II (Дж. Рёль, Л. Сесил) показывают, что Россия и Германия управлялись как «действующие монархии», с властью, сосредоточенной в руках венценосного правителя. Прежние оценки о «неистовом», «слабоумном» кайзере и «безвольном» царе подверглись серьезному пересмотру. Так, по мнению Дж. Рёля, являющегося авторитетным специалистом по биографии Вильгельма II, почти все противоречивые законодательные акты периода правления кайзера восходят к его собственной инициативе. К ним он относит законы об образовании, закон об армии 1893 г., который военному министру было просто «приказано» подготовить в третью годовщину восшествия на престол кайзера, умеренные торговые договоры и таможенные пошлины в начале 1890-х гг. Лучшими примерами личного правления кайзера были социальная и масштабная программа строительства флота [1].

Падение с Олимпа

Парадокс отечественной и зарубежной историографии состоит в том, что революции, приведшие к крушению европейских монархий после Первой мировой войны, во многом являлись следствием самой же войны, одним из главных факторов которой стала противоречивая политика имперских правительств, направлявшаяся волей самих монархов. Об этом свидетельствуют детальные исследования политических биографий европейских монархов: Дж. Рёль [1], Л. Сесил [2], Р. МакЛин [3], А. Я. Аврех [4], А. Н. Боханов [5], Г. Николсон [6], В. П. Подольников [7].

Международные дискуссии вокруг тезисов историка Фрица Фишера в 1960-е гг. о преемственности военных целей кайзеровской Германии и последующее переосмысление целого комплекса причин и следствий войны (месте революций) позволили историкам отойти от крайностей в определении исключительной ответственности монархии за развязывание войны.

В одном из недавних исследований Маргарет Макмиллан сравнивает нынешнюю глобальную напряженность – рост национализма, экономическое давление глобализации, межконфессиональную рознь и угасание роли великих держав XIX в. – с событиями, предшествовавшими войне. Важным аспектом войны она признает тесную родственную связь между тремя главными монархами того времени: кайзером Германии Вильгельмом II, королем Англии Георгом V и царем России Николаем II. Будучи кузенами

и равными потомками короля Георга II, европейские монархи конкурировали друг с другом за авторитет, старшинство и «патерналистскую опеку» европейской монархии, до конца не осознавая последствий войны как продолжения политики [8].

Будучи двоюродными братьями, король Георг V, кайзер Вильгельм II и царь Николай II должны были быть друзьями, но их дружбу отягощало то, что они правили тремя самыми могущественными государствами Европы. Эта мощная комбинация, по мнению Миранды Картер, вместе с их собственными деструктивными личностями – мелкими, неуверенными, запугивающими, абсурдно навязчивыми (коллекционирование марок, униформы) – привела не только к их собственным драматическим последствиям и неудачам, но и к началу Первой мировой войны. Параллельные взаимосвязанные жизни кайзера Вильгельма II, Георга V и Николая II – это призма, через которую можно описать путь к Первой мировой войне, создание современного индустриального мира, безумие наследственных дворов и эксцентричность их королевского двоюродного братства [9].

Примером, подтверждающим высокую степень участия лично монарха в международных делах, является заключение в июле 1905 г. союзного договора между Вильгельмом II и Николаем II в Бьёрке, который, по мнению самого кайзера, должен был нейтрализовать соглашение Франции и России, тем самым освободив Германию от опасности войны на два фронта. Соглашение между императорами, инициированное кайзером, привело к конфликту с канцлером Бернхардом фон Бюловым, поскольку нарушало планы правительственного кабинета. Подобная личная дипломатия монархов в эпоху модернизации и национальных интересов рассматривалась современниками как архаичная казуальность.

Последующий за войной трагизм революции современные историки воссоздают при участии самой же монархии. Нарушение и сбой довоенных родственных и почти дружеских связей между императорами Хелена Раппопорт видит в фиаско планов спасения царской семьи после революции. Усилия родственников и бывших подданных Николая II на деле оказались лишены здравого смысла и абсолютно необдуманными: горстка бессистемных заговоров по спасению Романовых, возглавляемая неумелыми и, возможно, нечестными монархистами, которые, казалось, были больше заинтересованы в том, чтобы заполучить царское состояние, чем помочь пленным. Ни один из них не работал вместе, соперничество и неумелое планирование ни к чему не привели [10, р. 6].

Другой аспект революционного трагизма демонстрирует излишняя мифологизация, раздутая накануне войны ее будущими участниками. Мифы о «великой нации», «справедливой войне», «внутренних врагах», создаваемые часто не без участия официальных правительств, способствовали либо еще большему внутреннему расколу общества, либо апеллировали к уже несостоятельным

ценностям старого режима – идеям преданного и слепого служения, где угроза революции виделась как всеобщий хаос, способный поглотить страну (К. Флуд [11], М. Шульц [12], Р. Брух и Б. Хофмайстер [13]).

Неспособность монархии адекватно реагировать на террор и развитие его технологий, начиная с конца XIX в., по мнению историков, также дополняет революционный трагизм, как и отсутствие последовательной национально-политической стратегии, ориентированной на обеспечение безопасности и стабильности, прежде всего, внутри империй. Ее отсутствие не смогло предотвратить «транс-национальную диффузию терроризма» [14, S. 231–253].

Персонифицированная проблематика революций помогает глубже понять сущность и характер изменений, проходивших в России и Германии. Происхождение революций тесно связано с оценкой исторической роли императоров в эпоху модерна. Независимо от отношения к личным качествам большинство историков за исключением крайне правых признают ошибки правителей, которые способствовали нарастанию революционных настроений в обществе, скатыванию страны в бездну социальных потрясений. Те авторы, которые сознательно стремились отойти от конъюнктурного и карикатурного изображения монархов, как, например, Джайлз Макдоно, в реальности же создавали биографию весьма малосимпатичного государственного деятеля, т. к. «представлять кайзера в виде положительного персонажа было бы смешно и нелепо» [15, с. 5].

Самая фатальная ошибка германского кайзера и русского императора – участие в Первой мировой войне, «великой катастрофе», имевшей неизбежные последствия для судеб Европы и мира. В исторической памяти сложились диаметрально противоположные оценки политического влияния императоров – от строгого вердикта как главных виновников, несущих всю ответственность за войну, до скептического и распространенного мнения о безвластных пешках, которые делают историографию на два потока версий. Критика, и даже травля, развернутая в печати, продолжилась и в кругу профессиональных историков. Почему в эпоху повышенного внимания к объективным историческим факторам вся ответственность за многофакторные процессы возлагалась на двух людей? На этот вопрос не существует убедительного ответа.

Отречение императоров рассматривалось в первую очередь в контексте революционных событий и как следствие оппозиции элит, степень же возможного влияния на принятие данного акта самих самодержцев выглядит несколько неопределенно. Возникает вопрос – насколько природа антиимперских заговоров носила общий характер?

Сначала состоялось мартовское отречение царя Николая Романова. Можно выделить три группы факторов, оказавших давление на русского императора: высший командный состав, думцы, представители двора, в том числе члены царской

фамилии. Записи самого Николая II и свидетелей отречения позволяют утверждать, что уже к моменту встречи с думской делегацией принципиальное решение об отречении было принято под влиянием генералов, прежде всего под давлением генерал-адъютантов Н. В. Рузского и М. В. Алексеева. «Революция генерал-адъютантов» и «революция думцев» хоть и имели общую цель – отречение царя, но различались по направленности и ожидаемым последствиям. На встрече с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным последние раздумья императора касались возможной реакции общества на подписание манифеста об отречении, предположительных волнений в Киеве и казачьих станицах. Результатом этой непродолжительной беседы стало исправление текста уже составленного манифеста и передача власти не сыну, а Михаилу Александровичу Романову.

Так обрисовал правовую сторону отречения историк русского зарубежья Г. М. Катков: «Основные законы не позволяли отречения за наследника, но они не предусматривали и отречения самого монарха» [16, с. 457]. Однако эту версию со стороны заговорщиков можно принять, если есть достаточные основания, что Николай II подписал 2 марта именно тот текст Манифеста, который был опубликован. Учитывая тот факт, что М. В. Родзянко дал весьма путаные объяснения генералитету и царю по поводу своего неприбытия на встречу и многое не договаривал о своем и думском влиянии на положение дел в стране и в столице, а царь уже с 8 марта находился под арестом, т. е. его изоляция от общества продолжилась, к этому свидетельству нужно отнестись очень осторожно.

Решение Николая II о передаче власти Михаилу можно рассматривать как «переворот императора», который не вписывался в планы генералов и думских представителей, мыслящих в том числе кадровыми назначениями в правительстве, ответственном перед Думой. Мятежные генералы в процессе переворота сделали для себя открытие, что думцев особенно интересовало назначение князя Г. Е. Львова председателем Временного правительства, причем до такой степени, что остальные вопросы казались им несущественными. Шаткий союз с высшим командованием, на убеждение которого было потрачено красноречие М. В. Родзянко, должен был обеспечить политическое будущее участников заговора. Необходимо отметить, что все участники впоследствии выстраивали собственную версию произошедших событий, в которой переплетаются и личные мотивы, и страх потерять обретаемую власть, реальность Гражданской войны и солдатских бунтов. Даже в период Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царского режима приглашенный как свидетель М. В. Родзянко без единого доказательства утверждал, что существовала некая ось между Берлином, Г. Е. Распутиным, императрицей и слишком мягким, поддающимся всякому влиянию императором¹. Роли слухов,

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 7: Допросы и показания: А. И. Шингарева, Н. Н. Чапина, Ф. А. Головина, генерала А. А. Поливанова, графа В. Н. Коковцева, М. В. Родзянко, Н. Б. Щербатова, А. Р. Ледницкого, А. В. Лядова, генерала Д. С. Шуваева / ред. П. Е. Щеголев. Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 128.

домыслов, информационных вбросов накануне и в период революции долгое время не придавали значения, и лишь в недавних исследованиях была изучена политическая сторона этого деструктивного явления, сопутствующего общественно-политической модернизации России [17].

Революция стала, бесспорно, важнейшим критическим эпизодом в жизни обоих монархов, проявив и сделав более выпуклыми их личные качества. Сама тема закрытости отречения, недостаток прозрачности и беспрецедентность процедуры отречения породили и порождают массу слухов и альтернативных версий, самой крайней является версия Петра Мультатули об отсутствии факта отречения государя как такового [18].

После открытия архивов и относительной деидеологизации темы, это первый общеизвестный момент революции, один из ее краеугольных камней, который был взят под сомнение. Большинство историков разных направлений в разное время, занимавшихся проблемой отречения (С. С. Ольденбург [19], Г. М. Катков [16], К. Ф. Шацко [20]), сходятся в том, что отречение пусть и с многочисленными нарушениями и недомолвками – свершившийся факт [19], подтвержденный многочисленными косвенными свидетельствами, в том числе дневниковыми записями царя и всеми его последующими действиями в период ареста и заточения. Исследования текста отречения продвигаются в нескольких аспектах, в основном в юридическом и морально-историческом направлениях. Однако целостного подхода в российской историографии, который подвел бы результаты дискуссий, еще не сложилось.

Ноябрьское отречение Вильгельма II также отразило достаточно сложную палитру политических интересов его основных участников и тот факт, что решения принимались зачастую в ситуации неполной или искаженной информации.

Известная дневниковая запись Николая II в день отречения обращена как раз к русской военной и политической элите: «Кругом измена, трусость и обман»². Схожую эмоциональную оценку приписывают Вильгельму II, впоследствии в своих воспоминаниях обозначившему события ноября 1918 г. как переворот. Наиболее подозрительно в глазах императора выглядело поведение канцлера Макса Баденского, фактически отрекшегося за своего императора. Впоследствии он писал о наилучшем для него и страны сценарии: «Если мое отречение было действительно единственным средством избежать кровопролития, то я был готов отказаться от звания германского кайзера, но не хотел отречься от прусской короны»³. Таким образом, оба оценивали действия ближайшего окружения с высоты морально-этических категорий: верности и предательства.

Примечательно, что в трагизме монархов определенную роль играло международное сообщество. Подчеркивая ответственность лично кайзера Вильгельма II в эскалации июльского кризиса 1914 г., в Великобритании и Франции постепенно вызревали антивильгельминистские настроения. Они еще больше усилились, когда общественность обеих стран была проинформирована об успешной попытке кайзера Вильгельма II уехать в изгнание в Нидерланды. Премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж, прислушиваясь к настроениям общественности в своей стране, заявил, что кайзера Вильгельма II нужно экстрадировать для того, чтобы его судили как преступника и «повесили» [21, р. 20]. Уже такое крайнее выражение антивильгельминизма для традиционалистских конституционных и республиканских систем само по себе являлось одновременно и модернистским, и революционным, хотя бы потому, что прежде граждане одного государства не требовали суда и расправы над государственным деятелем другого государства. Отказ королевы Нидерландов Вильгельмины выдать кайзера и готовность графа Бентика принять кайзера в замке Америконген стали для историков поводом считать всю страну до, во время и после войны прогермански настроенной [22, с. 68].

Лишь недавнее исследование Беатрис де Грааф показало, что «королева Вильгельмина намеренно не сообщила широкой общественности о решении голландской королевской семьи принять кайзера Вильгельма II»⁴ [23, р. 600]. Вместо этого, утверждает Б. де Грааф, ее намерение заключалась в том, чтобы «удивить» общественность и предоставить убежище кайзеру Вильгельму II, не сообщив накануне об этом решении прессе и подданным. Факт, что королева Вильгельмина сама организовала побег кайзера, может указывать на неосведомленность общества, проливая свет на мнимую прогерманскую позицию граждан во время Первой мировой войны.

Династические связи в деле спасения царской семьи в России имели другие последствия. В отличие от нидерландских родственников кайзера, принимать у себя арестованную большевиками императорскую семью не торопилась ни Великобритания, ни Германия. Современник событий Г. К. Граф пишет, что «дважды обращались к англичанам русские люди с просьбой помочь им в освобождении томившихся в тяжелой неволе государя императора и его августейшей семьи. Первый раз – это было в апреле 1917 года – обратились за содействием к Бьюкенену. Требовалось только, чтобы он снесся со своим правительством, и оно выслало бы на встречу русскому крейсеру английский корабль, который принял бы на свой борт государя и августейшую семью. Но сэр Джордж Бьюкенен ответил решительным отказом, сказав: "Есть ли когда об этом думать! Теперь все заняты

² Николай II. В дни отречения (Из дневника Николая II) // Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы / ред. П. Е. Щеголев. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 36.

³ Вильгельм II Гогенцоллерн. События и люди. 1878–1918. М.: Харвест, 2003. С. 98.

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

гораздо более серьезными вещами. Да к тому же я не хочу обременять моего государя и мое правительство лишними осложнениями» [24, с. 389].

В своих воспоминаниях князь Алексей Щербатов отмечает позицию Д. Ллойд Джорджа, опасавшегося дестабилизации обстановки в России из-за отъезда Николая II, что ослабило бы сопротивление русских Германии на Восточном фронте. Ссылаясь на записку премьер-министра А. Ф. Керенскому, князь утверждает, что приезд отрекшегося российского императора в Великобританию был крайне нежелательным⁵.

Политика Германии в отношении спасения царской семьи была предельно непоследовательна: во-первых, ведя переговоры с большевиками о заключении сепаратного мира и оказывая им финансовую поддержку, Германия стремилась быстрее закончить войну на Восточном фронте и, во-вторых, стремилась расколоть коалицию Антанты, переложив ответственность за спасение царской семьи на союзника России – Великобританию, хотя следует признать, что кайзер испытывал давление европейской аристократии из-за династических, родственных связей с Романовыми. Британский историк Энтони Саммерс приводит в пример переписку между датским королем Христианом X и Вильгельмом II по поводу спасения императора: В телеграмме от 15 марта 1918 г. датский монарх спросил кайзера: «Можешь ли ты что-либо сделать, чтобы облегчить судьбу этих, таких близких мне, людей?». Ответ Вильгельма II был связан с соображениями реальной политики, в которых не было места мыслям о человеколюбии, он предложил Христиану X подготовить общее воззвание монархов, адресованное большевикам⁶.

Более того, кайзер пытался намеренно сеять смуту среди союзников по Антанте, публично заявляя о том, что казус царской семьи обнажил агрессивные планы Великобритании: «Англичане, направляемые парламентом, пытались свергнуть демократическое правительство, признанное русским народом, правительство, которое взяло за основу интересы своего народа, заключив мир, в то время как англосаксы его по-прежнему не хотели»⁷.

Исследования преемственности монархии и демократии у Т. Бискупа, А. Галлуса, Б. Хассельхорна, Ю. Лу посвящены усилившемуся после войны разрыву между институтом монархии и обществом. Иллюстрацией исследования служат слова дипломата первой четверти XX в. графа Гарри Кесслера, который сразу после отречения кайзера 9 ноября зафиксировал в своем дневнике громкие высказывания людей на углу берлинских улиц *Königrätzerstraße* и *Schönebergerstraße*: «Конец дома Гогенцоллернов!», «Так жалко и так случайно!», «Давно устаревший!». На следующий день, как отметил Г. Кесслер, о личности императора «говорили уже с презрением»: «Вильгельм II изуродовал и разрушил Пруссию. Ни у императора, ни у императрицы

не сложились отношения со своим временем, даже у друга наследной принцессы их не было. <...> Сама "добрая императрица" не знала, кто такой социал-демократ; потребовалось немало усилий, чтобы заставить ее понять, что социал-демократы "не едят маленьких детей"» [25, S. 9]. В то же время дипломат не видит перспективы будущему устройству рейха, полагая, что революция не способна дать немецкому народу уверенности в завтрашнем дне. Так, описывая посещение бывшего императорского дворца после грабежей 28 декабря, Г. Кесслер замечает: «Оружейные шкафы императора пусты, стекла разбиты. <...> Частные комнаты, мебель, посуда и предметы искусства императрицы и императора настолько скудны, что нет никакого сомнения в мародерстве» [26, S. 714]. Вызывает удивление, как «среди таких бедных, напуганных, лишенных воображения существ, оставшихся посреди этого хлама и снующих между лакеями и темными занавесками, могло возникнуть что-то, возымевшее бы всемирно-исторический эффект» [26, S. 714]. Однако не следует забывать и того, что в этих апартаментах рождались «мелкие, полные китча и множества фальшивых ценностей, обманывающих себя и других, суждения, планы, комбинации и решения императора. <...> Теперь эта пустая душа разбросана здесь как бессмысленный материал. <...> Мне не жаль, но когда я думаю об этом, меня настигает ужас из-за собственного бездействия в том, что этот мир стоило бы разрушить уже давным-давно» [26, S. 714].

Дополнением к иконографии монарха после отречения и революции является намерение некоторых историков рассмотреть «топос жертвенности» монарха во имя доверенного ему священным таинством государства и подданных. На этот интересный аспект обращает внимание Бенъямин Хассельхорн [27]. Еще в годы своего правления Вильгельм II удивлял общественность маниакальными напоминаниями о своих «Божьей милостью данных полномочиях», особенно по отношению к тем, кто осмеливался критиковать его речи, навязчивым сравнением себя с Цезарем и мыслями об исключительности «императорского достоинства» [28, с. 531]. Оказавшись в Нидерландах под защитой королевы Вильгельмины, кайзер пытался освободиться от обвинений в трусости и оправдать свой побег, по-прежнему продолжая думать о своей исключительности. Вариант мученической смерти правителя в борьбе с богоробческой властью по примеру средневековых королей казался ему наиболее приемлемым.

Однако, романистический жест «смерти короля» в виде славной гибели монарха на фронте с оружием в руках для Вильгельма II был неприемлем, поскольку за границей Нидерландов он мог быть сразу же арестован и предан суду. Этот романтический жест вообще вряд ли мог быть возможным в реальности, хоть и создавался

⁵ Щербатов А. Мои воспоминания. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. С. 398.

⁶ Les discours de Guillaume II pendant la guerre. Paris: Edition Bossard, 1918. P. 278.

⁷ Там же. P. 48.

богатым воображением кайзера в его пламенных речах о средневековой славе германцев во главе с их вождями и королями, поскольку, как замечает Е. В. Тарле, «коренная черта натуры [Вильгельма] – могуче-развитое, все в нем побеждающее чувство самосохранения», не давшее ему ни на одну минуту приблизиться к смерти, когда, например, «английский король и семидесятивосьмилетний Клемансо сочли приличным и нужным хоть раз подвергнуться личной опасности», побывав на линии огня [29, с. 63]. За несколько дней до отречения, 28 октября 1918 г. померанские дворяне пытались предложить кайзеру совершить героический поступок, отправившись на фронт и умерев там за свое отечество, но Вильгельм II, зная о таких намерениях, не пожелал их выслушать [29, с. 68]. Не приняв ни предложения померанских дворян, ни Верховного командования, рассматривавшего также вариант монаршей смерти на фронте в целях предотвращения гражданской войны и желательных для страны условий мира [30], кайзер предпочел оставить страну. Уже в изгнании он нашел оправдание своему поступку, сославшись на то, что ритуальное царевубийство бессмысленно и характеризует, скорее, язычников, а не христианского монарха. К такому мнению он пришел, изучая историю Древней Месопотамии⁸.

Вместо этого с самого начала своего изгнания Вильгельм II рассматривал варианты возвращения для реабилитации и выполнения своего долга перед бывшими подданными, по крайней мере в 1923 г. он написал своим бывшим офицерам в Германию: «Они изгнали меня, и я не вернусь, пока они не позвонят мне» [1, S. 1297]. В конечном итоге бывший монарх пересмотрел для себя сам принцип жертвенности, отметив в своих воспоминаниях: «Я сознательно принес в жертву себя и свой трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного отечества»⁹.

Сходство мотивов, обстоятельств и общественно-политических последствий отречения монархов резко

контрастирует с дальнейшими судьбами августейших особ. По жестокости расправы над бывшим российским самодержцем и его семьей большевики превзошли всех варварских правителей в истории извечной борьбы за власть. Брошенное генералом М. В. Алексеевым пожелание своему бывшему патрону: «дальнейшей, сколько возможно счастливой жизни»¹⁰ – не осуществилось. В то время как бывший прусский король и германский император умер в глубокой старости в достатке, пусть и в изгнании, сохранив относительную свободу суждений даже в период национал-социализма.

Заключение

Полные драматизма судьбы последних императоров России и Германии, как показывают исследования современных историков, в определенной мере стали следствием их собственных действий, главными из которых были попытка сохранить архаичную структуру монархии и личный, авторитарный стиль управления государством, неприятие конституционных изменений, отказ понимать монархию в новых условиях и вера в незыблемость средневековых формул легитимности монархии.

Образы монархов, созданные современниками и их последователями, надолго закрепили традицию считать власть «слабой и беззубой» (Россия), «милитаристски агрессивной» (Германия). Во многом эти образы родились в массовом сознании при участии самих монархов, оценке их личностей и политических ошибок. Следствием стало появление в исторической памяти многочисленных клише и штампов.

Невозможность согласованных действий венценосных особ Европы в деле сохранения российской и германской монархии показала архаичность династических связей как средства международной политики и отсутствие антикризисной программы у самой монархии, подтверждающей ее неспособность адекватно реагировать на вызовы времени.

Литература

1. Röhl J. C. G. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1941. 3. Auflage. München: C. H. Beck, 2017. 1611 S.
2. Cecil L. Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1989. 463 p.
3. McLean R. Kaiser Wilhelm II and the British Royal Family: Anglo-German dynastic relations in political context, 1890–1914 // History. 2001. Vol. 86. № 284. P. 478–502. DOI: 10.1111/1468-229X.00202
4. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 256 с.
5. Боханов А. Н. Николай II. М.: Молодая гвардия; ЖЗЛ, 1997. 480 с.
6. Nicolson H. King George the Fifth: his life and reign. London: Constable and Co., 1984. 568 p.
7. Подольников В. П. Вильгельм II и внешняя политика Германии в конце XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 3. С. 82–89.
8. MacMillan M. The rhyme of history: lessons of the Great War. Washington DC: Brookings Institution Press, 2013. 28 p.
9. Carter M. The three emperors: three cousins, three empires and the road to World War One. London: Penguin Books Ltd, 2009. 584 p.

⁸ Wilhelm II. Das Königtum im alten Mesopotanien. Berlin: Walter de Gruyter, 1938. 46 S.

⁹ Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. М.: Вече, 2017. С. 195.

¹⁰ Техменев Н. М. Последний приезд Николая II в Могилев // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев и документы / ред. П. Е. Щеголев. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 291.

10. Rappaport H. The race to save the Romanovs: the truth behind the secret plans to rescue Russia's Imperial family. London: Windmill Books, 2018. 400 p.
11. Flood Ch. Political myth. A theoretical introduction. N. Y.-London: Routledge, 2002. 336 p.
12. Schult M. Auf dem Weg zur Weltmacht? Des Kaisers Admiral: Otto von Diederichs zwischen Pazifik und Atlantik // *International Quarterly for Asian Studies*. 2005. Vol. 36. № 1–2. P. 125–158.
13. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Kaiserreich und Erster Weltkrieg 1871–1918 / Hg. R. vom Bruch, B. Hofmeister. Stuttgart: Reclam, 2000. 511 S.
14. Zamoyski A. *Phantome des Terrors. Die Angst vor der Revolution und die Unterdrückung der Freiheit*. München: C. H. Beck, 2016. 618 S.
15. Макдоно Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М.: АСТ; Люкс, 2004. 746 с.
16. Катков Г. М. Февральская революция. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 573 с.
17. Колоницкий Б. И. Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура // *Вестник истории, литературы и искусства*. 2006. Т. 3. С. 362–378.
18. Мульбатули П. В. Император Николай II. Отречения не было. М.: Вече, 2019. 192 с.
19. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: Центрполиграф, 2018. 654 с.
20. Шацилло К. Ф. Крушение самодержавия: [К 70-летию Февральской бурж.-демокр. революции в России] // *Молодой коммунист*. 1987. № 2. С. 43–51.
21. Schabas W. A. The trial of the Kaiser. Oxford: Oxford University Press, 2018. 233 p.
22. Шатохина-Мордвинцева Г. А. Нейтралитет Нидерландов в годы Первой мировой войны // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2009. № 9. С. 66–72.
23. De Graaf B. Vorstin op Vredespad // *Tijdschrift voor Geschiedenis*. 2018. Jrg. 131. No. 4. S. 577–604. DOI: 10.5117/TVGESCH2018.002.GRAA
24. Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. 2-е изд. СПб.: Гангут, 1997. 488 с.
25. Biskup T., Vu Minh T., Luh J. Einleitung // *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens – Colloquien* / Hg. T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Heidelberg, 2019. Vol. 8. S. 9–23.
26. Kessler H. Das Tagebuch 1880–1937 / Hg. v. Roland S. Kamzelak, Ulrich Ott. Bd. 6: 1916–1918 / Hg. v. Günter Rieder unter Mitarbeit v. Christoph Hilse. Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. 962 S.
27. Hasselhorn B. Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens – Colloquien* / Hg. T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Heidelberg, 2019. Vol. 8. S. 39–51.
28. Рёль Дж. К. Г. Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 510–538.
29. Тарле Е. В. Бегство Вильгельма II (К истории падения монархии в Германии) // *Историк-марксист*. 1927. № 4. С. 62–73.
30. Kaehler S. A. Vier quellenkritische Untersuchungen zum Kriegsende 1918 // *Studien zur deutschen Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Aufsätze und Vorträge*. Göttingen, 1961. S. 259–305.

Into the Shadows: Tragedies of the Last Monarchs of Russia and Germany (Controversial Issues of Historiography)

Alexander A. Turygin ^{a, @, ID¹}; Anna N. Shigareva ^{a, ID²}

^a Kostroma State University, Russia, Kostroma

@aturigin@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

ID² <https://orcid.org/0000-0001-5426-9193>

Received 19.11.2020. Accepted 14.12.2020.

Abstract: The fates of the last Emperors of Russia and Germany are forever linked by the First World War and the revolutions. History knows the circumstances of their abdication; however, their motives still remain a matter of debate. The present research featured a comparative analysis of various points of view on the roles Nicholas II and Wilhelm II played in the revolutions and the political decisions they made. The biographical research clarified the general characteristics of the revolutionary processes that occurred during their reign and how both revolutions affected the institution of monarchy. The authors analyzed the contemporary historiographical discussions of the monarchy and the revolutions caused in both countries by the consequences of the First World War. The article also focuses on the role of social, class, and political groups in both revolutions, as well as on the attempts of monarchists to save the emperors. Tsar Nicholas II and Kaiser Wilhelm II lived in a very similar political context: complicated family ties, rapid economic development, the Great War, etc. Their abdications occurred in similar circumstances and had similar motives and socio-political consequences. However, their further destinies were very different.

Keywords: Emperor Nicholas II, Kaiser Wilhelm II, revolution, modernization, abdication, World War I, Russian Empire, German Empire, coup d'état

For citation: Turygin A. A., Shigareva A. N. Into the Shadows: Tragedies of the Last Monarchs of Russia and Germany (Controversial Issues of Historiography). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 943–951. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-943-951>

References

1. Röhl J. C. G. *Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1918*. 3. Auflage. München: C. H. Beck, 2017, 1611.
2. Cecil L. *Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1989, 463.
3. McLean R. Kaiser Wilhelm II and the British Royal Family: Anglo-German dynastic relations in political context, 1890–1914. *History*, 2001, 86(284): 478–502. DOI: 10.1111/1468-229X.00202
4. Avrekh A. Ia. *Tsarism on the eve of the overthrow*. Moscow: Nauka, 1989, 256. (In Russ.)
5. Bokhanov A. N. *Nicholas II*. Moscow: Molodaia gvardiia; ZhZL, 1997, 480. (In Russ.)
6. Nicolson H. *King George the Fifth: his life and reign*. London: Constable and Co., 1984, 568.
7. Podolnikov V. P. Wilhelm II and German foreign policy in the late 19th century. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2017, (3): 82–89. (In Russ.)
8. MacMillan M. *The rhyme of history: lessons of the Great War*. Washington DC: Brookings Institution Press, 2013, 28.
9. Carter M. *The three emperors: three cousins, three empires and the road to World War One*. London: Penguin Books Ltd, 2009, 584.
10. Rappaport H. *The race to save the Romanovs: the truth behind the secret plans to rescue Russia's Imperial family*. London: Windmill Books, 2018, 400.
11. Flood Ch. *Political myth. A theoretical introduction*. N. Y.-London: Routledge, 2002, 336.
12. Schult M. Auf dem Weg zur Weltmacht? Des Kaisers Admiral: Otto von Diederichs zwischen Pazifik und Atlantik. *International Quarterly for Asian Studies*, 2005, 36(1–2): 125–158.
13. *Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Kaiserreich und Erster Weltkrieg 1871–1918*, Hg. Bruch R. vom, Hofmeister B. Stuttgart: Reclam, 2000, 511.
14. Zamoyski A. *Phantome des Terrors. Die Angst vor der Revolution und die Unterdrückung der Freiheit*. München: C. H. Beck, 2016, 618.
15. MacDonogh G. *The Last Kaiser: William the Impetuous*. Moscow: AST; Liuks, 2004, 746. (In Russ.)
16. Katkov G. M. *The February Revolution*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2017, 573. (In Russ.)

17. Kolonitskii B. I. Rumors about the Empress Alexandra Feodorovna and popular culture. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*, 2006, 3: 362–378. (In Russ.)
18. Multatuli P. V. *Emperor Nicholas II. There was no renunciation*. Moscow: Veche, 2019, 192. (In Russ.)
19. Oldenburg S. S. *Reign of Emperor Nicholas II*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018, 654. (In Russ.)
20. Shatsillo K. F. The collapse of the autocracy: [To the 70th anniversary of the February bourgeois-democratic revolution in Russia]. *Molodoi kommunist*, 1987, (2): 43–51. (In Russ.)
21. Schabas W. A. *The trial of the Kaiser*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 233.
22. Spatokhina-Mordvintseva G. A. Neutrality of the Netherlands during the First World War. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologii*, 2009, (9): 66–72. (In Russ.)
23. De Graaf B. Vorstin op Vredespand. *Tijdschrift voor Geschiedenis*, 2018, 131(4): 577–604. DOI: 10.5117/TVGESCH2018.002. GRAA
24. Graf G. K. *On The Novik. Baltic fleet in war and revolution*, 2nd ed. St. Petersburg: Gangut, 1997, 488. (In Russ.)
25. Biskup T., Vu Minh T., Luh J. Einleitung. *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens – Colloquien*, Hg. Biskup T., Vu Minh T., Luh J. Heidelberg, 2019, vol. 8, 9–23.
26. Kessler H. *Das Tagebuch 1880–1937*, Hg. v. Roland S. Kamzelak, Ulrich Ott. Bd. 6: 1916–1918, Hg. v. Günter Rieder unter Mitarbeit v. Christoph Hilse. Stuttgart: Klett-Cotta, 2006, 962.
27. Hasselhorn B. Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918. *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens – Colloquien*, Hg. Biskup T., Vu Minh T., Luh J. Heidelberg, 2019, vol. 8, 39–51.
28. Röhl J. C. G. Wilhelm II German Emperor (1888–1918). Schindling A., Ziegler W. *Kaisers*. Rostov-on-Don: Feniks, 1997, 510–538. (In Russ.)
29. Tarle E. V. Flight of Wilhelm II (the history of the fall of the monarchy in Germany). *Istoriik-marksist*, 1927, (4): 62–73. (In Russ.)
30. Kaehler S. A. Vier quellenkritische Untersuchungen zum Kriegsende 1918. *Studien zur deutschen Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Aufsätze und Vorträge*. Göttingen, 1961, 259–305.